

М. Гаврилович, К. Пименов, Е. Волк

РОССИЙСКИЙ СЛЕД В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ГРОТЕНДИКА

Посвящается Ивану Александровичу Панину

§1. ВВЕДЕНИЕ

Уинфридом Шарлау в настоящее время опубликовано две из четырех запланированных частей биографии Александра Гротендика. Первая из четырех частей книги Шарлау [1] посвящена происхождению Гротендика, его детству и юности. Александр Гротендик был сыном четырёх анархистов: Ханки Гротендик, происходившей из немецкой бюргерской семьи, и бывшего российского подданного, известного как Александр Петрович Шапиро или “Саша-Петр”. Оказалось, что если многочисленные документы, касающиеся семьи Ханки Гротендик, Уинфриду Шарлау удалось разыскать в немецких архивах, то документальных сведений об отце Гротендика ему отыскать не удалось, за исключением нескольких бумаг, связанных с оформлением вида на жительство в Берлине, в которых отец Гротендика фигурирует под фамилией “Танаров”. Основным источником информации про отца Гротендика для Шарлау явилась объемная рукопись автобиографического романа Ханки Гротендик, а также некоторые документы из личного архива Гротендика, включающие несколько писем и фотографий, присланных из Советского Союза в 1920-ые годы и начале 1930-х. Однако, до нашего исследования не было доподлинно известно, является ли фамилия “Шапиро” настоящей фамилией отца Гротендика или одним из конспиративных псевдонимов.

В документах, хранящихся в различных российских архивах, нам удалось обнаружить настоящее имя, данное “Александр Петровичу” Шапиро при рождении, и узнать, что у него было как минимум трое родных братьев.

Ключевые слова: биография, Гротендик, анархизм, детские рисунки, группа Гротендика–Тейхмюллера.

Второй из авторов был поддержан грантом РФФИ 16-01-00750 “Мотивные и классические методы в теории алгебраических групп, алгебраической геометрии и теории чисел”.

Кроме того, нам стала известна судьба старшего сына А. П. Шапи-ро, Давида Александровича (“Додика”), и нами был установлен кон-такт с его дочерью.

В середине 90-х годов Д. А. Шапиро надиктовал дочери несколько страниц воспоминаний о своих родителях. В них он упоминает, в том числе, настоящее имя своего отца и другую информацию о нем; боль-шая часть этих сведений опирается на рассказы его матери. Во второй половине 1921 года А. П. Шапиро удалось бежать за границу. К тому времени его сыну исполнилось 2,5 года, и больше они не виделись. В основном тексте работы мы сопоставляем упомянутые источники, ар-хивные и мемуарные, и пытаемся проследить пунктиром жизненный ряд событий отца Гротендика на территории российского государства.

Сам Гротендик никогда в Советском Союзе и Российской Федера-ции не побывал. В начале 80-х по словам его тогдашней подруги жиз-ни, которую интервьюировал Шарлау, он был одержим идеей найти своего единокровного брата. Когда его подруга совершала туристи-ческую поездку в Ленинград, Гротендик снабдил ее подробными ин-струкциями, но эта миссия оказалась не выполнена. В 2018 году нам удалось исполнить мечту Гротендика и найти уже не его единокров-ного брата Давида, а его дочерей. Дочь и внучка Давида Алексан-дровича посетили деревню Лассер в Пиренеях, могилу Гротендика и познакомились со своими родными – детьми Гротендика.

§2. ЧТО СДЕЛАЛИ РОССИЙСКИЕ МАТЕМАТИКИ ДЛЯ ГРОТЕНДИКА

В процессе работы над данным историко-биографическим исследо-ванием первый и второй авторы обнаружили, что в открытых источ-никах никто не анализировал историю контактов Гротендика с рос-сийскими математиками. Мы отдаем себе отчет, что сам Александр Гротендик, будучи по убеждениям гражданином мира и противником государств как таковых, категорически бы возражал против подобной постановки задачи. Более того, по словам Пьера Картье из личной бе-седы с первым автором, Гротендик неоднократно упоминал, что его отец называл себя “украинцем”, подчеркивая тем самым как разрыв с традиционной еврейской культурой, так и не признание себя предста-вителем российского общества в целом. Тем не менее, искусственное сужение точки зрения по географическому принципу на творчество

Гротендика и биографию его семьи, позволяет объять необъятное и сформулировать некоторые наблюдения.

Юрий Иванович Манин в 2014 году, еще при жизни Александра Гротендика, написал заметку [2], в которой он рассказывает про свой шести-недельный визит в Париж в 1967 году, одним из результатов которого явилась работа [3]. Это была первая работа по теории мотивов, изданная на каком-либо языке. Гротендик рекомендовал ее Мамфорду, как замечательное изложение основ теории мотивов, а в начале 1969 году послал Юрию Ивановичу письмо на русском языке со словами благодарности за эту работу. Хотя работы Ю. И. Манина, в особенности по группе Брауэра, упоминаются в переписке Серра и Гротендика еще в первой половине 60-х годов, по-видимому с 1967 года следует отсчитывать период непрямого, но плодотворного сотрудничества Гротендика со школой Шафаревича.

Самим ярким примером глубокой внутренней связи Гротендика и школы Шафаревича оказалось открытие Геннадием Белым в 1979 году теоремы о трех точках ветвления алгебраической кривой, определенной над числовым полем [4]. Эта работа вызвала восхищение Гротендика, оказалось что подобного сорта шаг к описанию абсолютной группы Галуа поля рациональных чисел Гротендик предположил за несколько месяцев до знакомства с работой Белого. В 80-ые годы Москва оказалась одним из немногих мест, наряду с Бангором в Уэльсе, где со всей серьезностью отнеслись к новым не опубликованным традиционным способам работам Гротендика по “детским рисункам”, анабелевой геометрии и n -категориям. В результате, семинары Ю. И. Манина и И. М. Гельфанда сыграли важную роль в признании математическим сообществом этих работ. По словам Михаила Капранова в ответе на вопрос Рона Брауна в личном письме, выдержка из которого опубликована последним на сайте <https://groupoids.org.uk/pstacks.html> “From what I remember, Gelfand advocated reading both *Esquisse* and *Pursuing stacks*. Voevodsky was very interested in both *anabelian geometry* and *higher stacks*. Drinfeld was influenced by *Esquisse* in his paper on “*Drinfeld associator*” and a version of the *Grothendieck–Teichmueller group* appearing in the theory of *quasi-Hopf algebras*. This is probably the most serious influence on Soviet mathematics of the period”. Поразительным образом теория детских рисунков через анабелеву программу

оказалась тесно связанной с теорией мотивов и мотивной группой Галуа. Группа Гротендика–Тейхмюллера появилась в регулярной математической печати впервые в работе Дринфельда [5], на русском языке. Таким образом, именно благодаря Владимиру Дринфельду этот фрагмент комплекса идей, высказанных Гротендиком в своих рукописях 80-х годов, был воспринят мировым математическим сообществом.

Имя Владимира Воеводского в математическом сообществе очень часто произносится через запятую после имени Гротендика. Он реализовал одну важную мечту Гротендика: построил категорию мотивов. По словам И. А. Панина, Гротендик еще в 1960-х считал, что в алгебраической геометрии должны иметь место аналоги всех тех классических обобщенных теорий когомологий, которые встречаются в гомотопической топологии. Дверь в этот новый мир, предсказанный Гротендиком, открыл Воеводский. По удивительному совпадению, первая опубликованная работа Воеводского, совместная с Г. Шабатом, была посвящена теории детских рисунков Гротендика и опубликована в томе, собранном к 60-летию Гротендика. Про этот эпизод и ответное письмо Гротендика вспоминает Г.Шабат в поминальном интервью по Воеводскому в газете “Троицкий вариант” [6]. Тогда же, еще в Советском Союзе, Воеводский и Капранов написали работу посвященную тезису Гротендика “гомотопический тип – это бесконечность-группоид”. Позднее в этой работе была обнаружена ошибка, что считается одним из толчков, побудивших заняться В. Воеводского основным проектом своих последних 10 лет: гомотопической теорией типов. Реализация тезиса Гротендика, превращение его в теорему – это тридцатилетняя история, которая еще ждет тщательного историко-математического анализа. Рон Браун в процитированном выше источнике дает замечательное краткое изложение истоков “Погони за стеками” и истории взаимодействия Гротендика с Бангорской школой теории категорий после 1970, которое мало освещено в третьей биографии Гротендика под авторством У. Шарлау. Хотя российские математики не сыграли ключевой роли в превращении тезиса Гротендика в теорему, однако интерес Воеводского и к теории детских рисунков и к бесконечность-категориям, и к теории мотивов – по-меньшей мере, примечателен.

По прочтении нескольких интервью, параллели между Владимиром Воеводским и Александром Гротендиком видятся гораздо более глубокими, нежели просто общность математических интересов. Они оба смело говорили и писали о своих трансцендентальных опытах. Оба были

нетерпимы к фальши и не принимали “правила игры”, навязываемые обществом, которые шли вразрез с внутренними убеждениями. Коллеги, знакомые с В. Воеводским, отмечают присущую ему внутреннюю свободу, а это черта, которая глубоко роднит его с Александром Гротендиком. Воеводский не был в позднем СССР диссидентом или антисоветчиком, однако ему удавалось быть абсолютно “внесистемным”.

Кроме школы Шафаревича и Манина мы считаем необходимым упомянуть про Гротендика и город на Неве, в котором его отец провел первые счастливые месяцы после освобождения из царской тюрьмы. Обстоятельства сложились так, что Ленинград/Петербург стал одной из мировых столиц алгебраической K-теории, предмета, раздела математики, также фактически созданного Гротендиком. Хотя, к сожалению, нет никаких исторических свидетельств тому, что Гротендик предвосхитил обобщение теоремы Римана–Роха–Хирцебруха–Гротендика в форме И. А. Панина и А. Л. Смирнова, но мы не сомневаемся, что это обобщение лично ему бы очень понравилось. Во-первых, в предложенном Паниным и Смирновым общем контексте ориентированных теорий когомологий теорема Римана–Роха приобретает прозрачный и почти тривиальный смысл, который описывается словесной формулой “замена переменной при интегрировании”. Во-вторых, понятие ориентированных теорий когомологий имеет глубинную связь с трансферами и соответствиями, которые лежат в основе теории мотивов Гротендика и Воеводского. Поэтому мы смеем надеяться, что И. А. Панин и А. Л. Смирнов реализовали несформулированную мечту Гротендика.

§3. ДЕЛО ИЗ ФОНДА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ

В Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) в ф. №. 533 (Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев), в описи №. 3 “Личные дела исключенных из общества бывших политкаторжан, а также не принятых в общество (1921–1935 гг)”. хранится дело “Шапиро Александр Петрович (Саша)” на 7 листах, в котором содержится следующая информация:

- (1) Анкета, заполненная “Сашей-Петром” [7, л. 1, л. 1об], в которой указаны место рождения, места предания суду и отбывания заключения, даты и род занятий революционной деятельностью;

- (2) Собственноручное заявление “Саши-Петра” от 2 августа 1921 года о приеме в члены общества [7, л. 5];
- (3) Справка из ленинградского архива от 14 декабря 1928 года про наличие записи о мещанине г. Суража Иоселя Шаева Шапиро в Ведомости справок о судимости за 1909 год [7, л. 3];
- (4) Конверт, адресованный А. П. Шапиро в мае 1925 года по адресу Бол. Афанасьевский пер. д. 30, кв. 1, вернувшийся за выбытием адресата, в связи с чем при перерегистрации членов общества 1 августа 1925 г. А. П. Шапиро механически выбыл из его членов.

Это дело – первый источник, в котором мы обнаружили имя “Иосель Шаев” с привязкой к г. Суражу Черниговской губернии (в 1919–1926 г. Сураж относился Гомельской губернии, ныне к Брянской области РФ; не путать с г. Сураж Витебской губернии).

В Российской империи ежегодно издавались Ведомости справок о судимости, составленные Министерством юстиции. Большинство этих справочников сейчас доступны онлайн на сайте Российской Государственной библиотеки. В справочнике за 1909 год имеется запись [10, с. 519] о том, что “Шапиро Иосель Шаевъ, мещанин г. Суража, 17 лет, осужден Могилевским Окружным Судом 30 мая 1909 года по статьям 134, 135, 139, 1629 и 1632 Уложения о наказаниях и приговорен к 5 годам и 4 месяцам каторжных работ. Приговор вступил в действие 7 декабря 1909 года”.

Затребованная Обществом политкаторжан в 1928 году архивная справка, очевидно, составлена на основании той же записи [10, с. 519]. В анкете “Саши-Петр” указал год своего рождения (1889), профессию (слесарь), и отметил, что просидел три года в общей камере до побега. Также он указал, что арестовывался в июне 1917 г. во время событий на даче Дурново в Петрограде, а затем, находясь в Самаре в декабре 1919 года, был арестован в связи со взрывом в Леонтьевском переулке.

В этой же анкете указано, что по последнему приговору он пробыл в Орловской и Ярославской каторжных тюрьмах суммарно 4 года. К известным подробностям этой отсидки мы вернемся позже.

А пока отметим, что одна из двух рекомендаций, необходимых для приема в Общество Политкаторжан, написана в виде резолюции на анкете А. П. Шапиро за подписью И. Я. Короткова. Кем подписана вторая рекомендация, нам пока не удалось установить. Иван Яковлевич Коротков (р. 1886), из крестьян, член партии социалистов-революционеров, издал свои воспоминания в составе книги [11], где

на с. 43 имеется следующий абзац: “Тут я вспомнил, что в карцере мною было сочинено стихотворение памяти Егора Созонова и я пел его. После карцера я был переведен в ту же большую, рассчитанную на шестнадцать человек, камеру пустующего корпуса. Воздуха здесь было сколько угодно, а холода и сырости еще больше, чем в карцере. Согревался я здесь только тогда, когда, одетый в бушлат, завертывался с головой в одеяло. Был ко мне в камеру переведен анархист Шапиро, проживший со мной несколько месяцев. После Шапиро был у меня, правда недолго, очень тяжелый сожитель...”.

Любопытно, что, сидя в камере, “Саша-Петр” также сочинял стихи, рукописная книжечка с которыми долгое время хранилась в семье его сына, Давида Александровича Шапиро. Дочь Давида Александровича помнит такие строки оттуда: “...я попал в Орел-централ, сбавил он свою суровость и “хорошим дядькой” стал...”.

Вернемся к разбору анкеты. “Саша-Петр” пишет, что начал революционную работу в Сураже в 1906 году в составе группы социал-демократов. В 1907 году он входил в группу анархистов-коммунистов, которая действовала в Сураже и Клинцах. По-видимому, в том же году он был арестован в Климовичах и просидел в тюрьме около года. Подробности первого ареста нам пока неизвестны, но в письме А. Ф. Керенскому из Ярославской тюрьмы [12, л. 21, 21об] А. П. Шапиро пишет, что был осужден за ограбление, в котором даже не принимал участия (мы не знаем, было ли отправлено письмо или только передано для отправки). Эти три года “Саша-Петр” просидел в Могилевской тюрьме. Хотя мы пока и не располагаем никакими архивными документами об этом периоде, но в п. 43 разбираемой анкеты город Могилев, помимо Мглина, Орла и Ярославля, указан как место, в котором А. П. Шапиро принимал участие в тюремных протестах. Как мы знаем из [10], он был осужден в 1909 году на пятилетний срок именно Могилевским Окружным судом.

До окончания пятилетнего срока, “в десятом году бежал из под конвоем” [12, л. 21об]. По семейной легенде, это удалось сделать с помощью его матери Славы, которая передала запеченные в хлебе инструменты для побега (пилки). Это согласуется с информацией из анкеты политкаторжанина, в которой говорится и о трехлетней отсидке до побега, и о возвращении к революционной работе в 1910 году: в 1910–1911 году “Саша-Петр” работал на Берестово-Богодуховском каменноугольном

руднике (Екатеринославская губ.), организуя там группы анархистов-коммунистов.

В 1911 году он решил вернуться на родину, в Сураж, принял участие в нескольких экспроприациях в Черниговской, Смоленской и Орловской губерниях [12, л. 21об], и был арестован в очередной раз.

§4. ДЕЛО ИЗ ЯРОСЛАВСКОГО АРХИВА

В Государственном Архиве Ярославской области в ф. 331 оп. 1 хранится дело 2550 “Об арестанте Иосифе Исаевиче Шапиро” [12].

Из материалов дела следует, что, по распоряжению Главного Тюремного Управления от 23 декабря 1916 года за №. 46901, ссыльно-каторжный арестант Иосиф Шапиро был 4 января 1917 года отправлен из Орловской временной каторжной тюрьмы в Ярославскую временную каторжную тюрьму.

С 1913 по 1916 год Иосиф Исаевич Шапиро содержался в Орловской тюрьме с перерывом на освидетельствование в Московской окружной психиатрической лечебнице, куда он был отправлен из Орла по распоряжению Главного Тюремного Управления от 22 июня 1916 года за №. 1296. Исполняющий дела Начальника Орловской Каторжной тюрьмы сопроводил арестанта запиской: “Требуется самого тщательного и неослабного надзора как буйно-душевно больной и ссыльно-каторжный, склонный к побегу” [12, л. 9об]. Однако, уже 3 октября 1916 года Иосиф Шапиро направляется из Московской пересыльной тюрьмы обратно в Орел, как признанный психически здоровым. Вероятно, где-нибудь в архивах Москвы найдутся и сведения об этом медицинском осмотре.

Ключевым документом, обнаруженным в деле арестанта Шапиро в Ярославском архиве, стал Статейный список №. 48, составленный в Тюремном Отделении Орловского Губернского Правления 31 августа 1913 года. В этом списке, который фактически является личным листком арестанта, имеется фотография, которая неопровержимо позволяет отождествить арестанта Иосифа Шапиро с отцом А. Гротендика: см. [12, л. 8об]. В этом документе указана профессия арестанта до заключения (слесарь) и сведения о полученном образовании (Суражское городское училище, где он “полностью окончил курс”).

Известно, что в Сураже Черниговской губернии не было гимназии. Там имелось городское высшее начальное училище, преобразованное

из одноклассного в двухклассное в 1900 году [13], а позднее и в четырехклассное. Как правило, период обучения в 4-классных училищах составлял не 4 года, а 6. В училище принимали с 10–14 лет.

Информация из Статейного списка No. 48 полностью совпадает с фактами, которые уже были нам известны из Ведомостей справок о судимости [9] и [8]: Определением Орловского Округного Суда от 26 августа 1913 года постановлено: Иосифа Шапиро по совокупности приговора Орловского Округного Суда от 8 мая 1913 г. и приговора Стародубского Округного Суда от 28 мая 1913 г. подвергнуть одиночному заключению на 45 дней и обратить в каторжные работы без срока с содержанием в отряде испытуемых в течение 12 лет 3 месяцев и 6 дней, считая срок наказания от 21 июля 1911 года [12, л. 10об]. Дата совершения преступного деяния: 14–15 июля 1911 года.

Документов об аресте “Саши-Петра” в 1910 г в Сураже нами пока не обнаружено, но в надиктованных Д. А. Шапиро заметках говорится следующее. “Какая-то шинкарка”, в доме которой “Саша-Петр” проживал в Сураже после возвращения с Богодуховских рудников, выдала его властям. При задержании он оказал сопротивление и получил ранения, стоившие ему левой руки. Заметим, что в своем автобиографическом романе Ханка Гротендик написала, что руку ее муж потерял вследствие неудачной попытки побега. Однако, как мы видим, это был не побег из тюрьмы, а побег при попытке задержания.

Приговор от 8 мая 1913 года указан в Статейном списке пятым по счету [12, л. 10], что согласуется с шестью приговорами, перечисленными в анкете Общества бывших политкаторжан, где “Саша-Петр” указал Климовичи, Орел, Мглин, Новозыбков, Стародуб и Брянск как места, где он подвергался суду [7, л. 1].

К пребыванию в Орловской временной каторжной тюрьме также относится записка об отбытии срока одиночного заключения, датированная 13 декабря 1913 года [12, л. 9об]. Имеются также сведения о наказаниях, которым подвергался Иосиф Шапиро: заключению в карцер и телесному наказанию в виде тридцати ударов розгами [12, л. 17]. В анкете для Общества политкаторжан “Саша-Петр” указывает, что подвергался заключению в карцер неоднократно, сроком на 4, 10, 15, 30 и 40 суток, а наказанию розгами был однократно подвергнут в Могилевской тюрьме. Таким образом, сведения из анкеты [7, л. 1об] согласуются с тем, что зафиксировано властями [12, л. 17]. Кроме того, в

анкете [7, л. 106] говорится про неоднократные избиения заключенных в Орловском центральном, что было в обычаях того места.

Орловской временной каторжной тюрьме уделено внимание во многих воспоминаниях. Мы укажем книгу Иосифа Исаевича Генкина (1884–1939), в которой на с. 108 в списке заключенных, отбывавших каторгу в Орловском центральном, наш герой указан дважды – и как Шапиро Александр Петрович, и как Шапиро Иосиф Исаевич [14, с. 110].

Как мы уже писали ранее, одним из сокамерников Иосифа Шапиро был И. Я. Коротков. По семейной легенде, услышанной Д. А. Шапиро от матери, в одной камере с “Сашей-Петром” содержался и Ф. Э. Дзержинский. Последний и в самом деле отбывал срок в Орловской временной каторжной тюрьме с 1914 по 1916 год, однако в изданных дневниках Дзержинского [28] упоминаний об анархисте Шапиро нам пока найти не удалось.

§5. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

7 февраля 1917, после перевода в Ярославскую тюрьму, Иосиф Шапиро подал прошение “о замене каторжных работ тюрьмою по состоянию здоровья” [12, л. 16], которое не было удовлетворено, несмотря на туберкулезный процесс, начавшийся после ранения в руку и грудь в 1911 году.

Почти сразу после Февральской Революции, 11 марта 1917 года, он пишет А. Ф. Керенскому письмо убористым почерком на двух страницах, которое заслуживает отдельной публикации.

Очевидно, это письмо было вызвано обещанием Керенского сразу по вступлении в должность Министра Юстиции, состоявшемся 2 марта 1917 г., освободить политических заключенных и ссыльных.

Однако “Саша-Петр” был освобожден далеко не сразу. Потребовалась личная телеграмма Министра Юстиции, на основании которой Иосиф Шапиро был освобожден 13 мая 1917 года из Ярославской тюрьмы [12, л. 25об.].

Известная нам информация о деятельности “Саши-Петра” в 1917–21 годах основана лишь на разрозненных упоминаниях о нем в разных источниках, поэтому хронологию пока удается восстановить лишь предположительно.

Как мы знаем из анкеты для Общества бывших политкаторжан [7, л. 1], в июне 1917 г. “Саша-Петр” вместе с 60 другими анархистами был

кратковременно арестован в Петрограде после штурма штаба анархистов на бывшей даче П. Н. Дурново на Полостровской набережной по распоряжению нового Министра Юстиции Переверзева.

Примерно в то же время он познакомился с молодой анархистской Рахилью Давидовной Хаймович. Вот как описывает обстоятельства знакомства их сын Д. А. Шапиро: “Весной 17 года Рахиль оказалась в Петрограде и устроилась работать секретарем в редакцию большевистской газеты “Солдатская правда”. Поскольку она была анархисткой, ее использовали для связи со штабом анархистов (тогда еще анархисты были союзниками большевиков). Накануне июньской (или июльской) демонстрации в редакции обсуждался вопрос о том, как проводить демонстрацию – вооруженно или нет. Ленин с Троцким ходили обнявшись по комнате и оживленно спорили, Рахиль вела протокол. Было решено, что демонстрация будет невооруженной, о чем она должна была сообщить анархистам. Из штаба анархистов Рахиль отправили на завод, чтобы сообщить рабочим, что оружие брать не нужно. В сопровождающие ей дали человека лет тридцати, однорукого. Его звали Иосиф Шапиро (подпольная кличка – Александр). Летом 1917 года они поженились, как тогда было принято у анархистов – гражданским браком”.

Что было далее в 1917 году, доподлинно неизвестно. По-видимому, “Саша-Петр” базировался в это время в Петрограде. В анкете для Общества бывших политкаторжан [7, л. 10б] он пишет, что после Февральской революции служил лектором и писарем полкового комитета Жлобинского полка, а затем та же строчка повторяется в графе о занятиях “после Октябрьской революции”. Но нам трудно себе представить, зачем анархист Шапиро вступал бы в старую армию. Можно предположить, что он ошибся графой и не стал зачеркивать.

Про март–апрель 1918 года есть строчка в “Записках о гражданской войне” В. А. Антонова-Овсеенко. Она цитировалась Уинфридом Шарлау в переводе на немецкий и английский язык в его книге [1, р. 33], здесь мы дадим оригинальный текст: “Для подобной же партизанской деятельности направлен через тов. Берзина (Брянск) в Новозыбков и далее особый отряд анархиста Саши-Петра, взявший на себя задание работы в тылу неприятеля (вскоре получились сообщения, что отряд этот остался в нашем тылу и много безобразит...)” [15, с. 57].

Со слов Д. А. Шапиро, Рахиль до лета 1918 года была в Питере. “Летом 1918 года ее отправили в Киев для содержания явочной квартиры. Киев был тогда под немцами. Осенью в Германии произошла революция и был аннулирован Брестский мир. На территории Украины началась гражданская война, красные заняли Киев. На явочной квартире начали появляться вооруженные люди, среди них и А. Шапиро.”

Большевики установили советскую власть в Киеве на несколько месяцев в феврале 1919 г. Тогда же там, скорее всего, и появился Саша-Петр, которого Рахиль к этому времени считала погибшим и думала, не назвать ли новорожденного сына, который родился 22 октября по старому стилю (4 ноября по новому стилю) Александром. Как известно, у ашкеназских евреев было строго принято не называть детей именами их здравствующих предков. В итоге ребенок получил имя недавно умершего отца Рахиль Давидовны.

Видимо, в промежутке между этими событиями, т.е. летом и осенью 1918 года, А.П. Шапиро участвовал в боевых действиях на Оренбургском фронте. Д. А. Шапиро кратко упоминает, что его отец комиссарил на Дутовском фронте. Это согласуется с упоминанием Жлобинского полка в анкете для Общества Политкаторжан.

В литературе о гражданской войне упоминаются такие названия, как “Жлобинский сводный революционный отряд” и “1-й Жлобинский стрелковый полк”. И тот, и другой участвовали в боевых действиях на Оренбургском фронте в начале лета 1918 года. Дело осложняется еще и тем, что под Царицыном в 1918 году действовал красный командир Дмитрий Петрович Жлоба, подчиненных которого также называют “жлобинцами”. Пока мы не можем определить, в каком из этих подразделений участвовал Саша-Петр. С одной стороны, Е. И. Какурин приводит внутреннюю сводку Московского областного комиссариата по военным делам от 24 апреля 1918 г.: “...присылаемые отряды в Оренбург не соответствуют назначению, так как среди них полная деморализация. Жлобинский отряд в количестве 500 человек берёт контрибуцию с казаков и делит её между собою” [16, с. 187].

С другой стороны, Оренбургский фронт был создан 25 мая 1918 года под управление Г.В. Зиновьева, и, наряду с другими соединениями, на этот фронт был направлен из Самары 1-й Жлобинский полк (два батальона) [17, с. 236]. По стилистике высказывания оно походит на упоминание Антоновым-Овсеенко.

Мы предполагаем, что именно в период с апреля по июнь 1918 года “Саша-Петр” находился на Дутовском фронте, поскольку позднее ситуация изменилась.

В ситуации, осложненной поднятым в мае восстанием чехословацкого корпуса, 3 июля Красная Армия была вынуждена оставить Оренбург. Вскоре после этого Жлобинский отряд (или полк) вместе с частью других подразделений Оренбургского фронта было решено перебросить в Туркестан. В разных источниках цитируется телеграмма Совета Народных Комиссаров Туркестанской Республики В. И. Ленину о тяжелом положении в Республике и контрреволюционном мятеже в Ашхабаде от 15 июля 1918 г.: “Под Оренбургом, где сосредоточены значительные советские войска, Жлобинский отряд уголовных преступников растерзал главнокомандующего Степанова, обезоружил лучшие части войск; грабя на пути население, продвигается к Ташкенту с целью его захвата и свержения существующего правительства” [18].

В конце августа Жлобинский полк участвовал в бою с англо-индийскими войсками около ст. Каакха Тедженского уезда Закаспийской области. В этом бою 28 августа 1918 г. погиб командир Жлобинского полка Яков Амвросиевич Розенберг [19].

В несколько сомнительном источнике (который мы потому не цитируем) говорится, что в октябре 1918 г. атаман Дутов, выступая на Круге, особо указал: «Знаменитый Жлобинский отряд весь уничтожен. Осталось только семь человек».

Мы пока не знаем, участвовал ли “Саша-Петр” в тяжелых боях второй половины 1918 года, но, как написано выше, Рахиль Давидовна продолжала считать его погибшим еще некоторое время после рождения сына. Так что не исключено, что действительно участвовал.

§6. АНАРХИСТЫ ПОДПОЛЬЯ И АНАРХИСТЫ-УНИВЕРСАЛИСТЫ

Про деятельность А. П. Шапиро в 1919 году мы узнали из упоминания в анкете Общества Политкаторжан его ареста в декабре в Самаре в связи со взрывом в Леонтьевском переулке, когда погибли 12 большевиков и были ранены Бухарин, Ярославский и др. верхушка партийного руководства.

Опубликованы выдержки из материалов следствия по делу о взрыве в Леонтьевском, где в показаниях Михаила Тямина есть фрагмент: “Приехал я по адресу, на Малый Казенный пер., где и встретился с

членом подпольной организации анархистов подполья Александром Шапиро... Здесь же была предложена тов.<арищем> Шапиро новая форма организации, так называемая семерка; после сильных прений была принята эта новая форма, по которой и решили строить организацию”. [20, с. 288]. В показаниях Александра Розанова упоминается как первый, так и второй муж Рахиль Давидовны Хаймович, тульский анархист Николай Михайлович Беляев, с которым она познакомилась уже в 1920-е годы в Архангельской губернии: “Тульская организация максималистов получила с экс-патронного завода 400 000 рублей через Беляева; он знает, кто получил... Петр Соболев имел с кем-то связь в Кремле и ВЧК. После приезда Петра в Москву в Сокольниках состоялось собрание, на котором решено было ставить организации в провинции. Для этой цели были посланы: Яша Краснокутский – на Урал и в Сибирь, Саша Шапиро и Марк – в Уфу, Курбатов – в Самару, Марков – в Брянск” [20, сс. 293,295].

Похоже, что Рахиль Давидовна жила в это время параллельной жизнью: она бежала из Киева в августе 1919 года и поселилась в Москве в комнате на Мерзляковском переулке. По всей видимости, там же проживал ее брат, служивший в Наркомпросе.

В 1920-21 годах имя Иосифа Шапиро встречается в списках секретариата Всероссийской Секции Анархистов Универсалистов вместе с именами Германа Аскарова, Владимира Бармаша, Абы Гордина и других. В самом начале 1921 года в этой организации произошел раскол, причиной которого послужило отношение к Советской власти. Аба Львович Гордин с братом Владимиром и другими попутчиками большевиков отделились и организовал новое объединение “анархистов-интериндивидуалистов” или “пананархистов” [21]. Иосиф Шапиро и Герман Аскарков продолжали работать вместе и издавали журнал “Универсал”. В работе [21] цитируется статья И. Шапиро “О расколе” из номера 1-2 за 1921 год этого журнала.

3 августа 1921 года А. П. Шапиро подписал заявление о вступлении в Общество политкаторжан, а 17 августа ЧК развернула масштабную спецоперацию по разгрому анархистского подполья.

Сотрудниками общества “Мемориал” проводится многолетняя работа, цель которой – сохранить имена жертв большевистского режима и политических заключенных. Их имена можно найти на сайтах <http://lists.memo.ru/> и <https://ru.openlist.wiki/>, мы не будем давать конкретные ссылки на страницы, посвященные упоминаемым

нами в дальнейшем персоналиям. Второй из указанных сайтов (“Открытый список”) позволяет проводить поиск как по номеру архивного дела, так и по дате ареста и расстрела, что приводит к выборкам, дающим пищу для размышлений.

Известно, что ЧК подготовило провокацию, которая позволила обвинить Льва Черного (Турчанинова П. Д.) и Владимира Сергеевича Потехина в фальшивомонетничестве, а 16 августа состоялось нападение группы анархистов в соучастии с уголовниками на кассу Главного Военного Инженерного Управления. По делу о нападении на кассу ГВИУ были привлечены анархисты Фанни Барон, Иван Никитович Гаврилов, Тихон Каширин, а также брат Арона Барона С. Д. Барон и называемый некоторыми авторами бандитом Трофим Силантьев. Эти семь человек, а также некий Викентий Фаер, помогавший в афере Льву Черному, были расстреляны 30 сентября 1921 года (по другим данным, 27 сентября). Еще один анархист, Иван Бубнов, был убит в перестрелке в ту же ночь на 17 августа. Немедленно, 17 августа, ЧК совершило облаву по нескольким адресам, в числе которых был известный нам адрес Бол. Афанасьевский, д.30, кв. 1.

Есть дело No. 30547, хранящееся в ГАРФ и изученное нами. Большинство обвиняемых по этому делу, включая Рахиль Давидовну Шапиро и брата ее мужа Илью Исаевича Шапиро, были приговорены 14 января 1922 г. за принадлежность к анархистской организации и контрреволюционную деятельность к различным срокам заключения, которое они отбывали в Архангельской губернии. Дело, по которому проходили девять расстрелянных 30 сентября, по-видимому, хранится в архиве ФСБ, и нам не удалось до него добраться.

Прежде всего следственное дело 30547 подтверждает сохранившиеся в семье данные об аресте Рахили Шапиро в Сураже. Оказалось, что еще 16 августа ЧК арестовало Илью Исаевича Шапиро, проживавшего вместе с братом по Бол. Афанасьевскому д. 20, кв. 1, и при допросе которого [24, лл. 502–510] выяснилось, что Рахиль уехала к заболевшему ребенку в Сураж: Додик находился там на попечении бабушки и дедушки с отцовской стороны, пока сам “Саша-Петр” читал лекции и занимался анархистской пропагандой в окрестных местечках.

ЧК немедленно снарядила экспедицию в Сураж и окрестности, где арестовала Рахиль 21 августа и допросила множество местных жителей, в том числе и двух других братьев Шапиро.

Один из них – Берка (Борис) Шапиро, 23 лет, как сообщается свидетелями, служит в милиции и носит бурку, которую де его брат Саша-Петр передал Борису в Унече. Другой – Лейба Шапиро, 18 лет, живет вместе с родителями в их собственном доме на Мглинской улице [24, л. 534]. Таким образом, мы узнаем, что у Иосифа Исаевича Шапиро было по крайней мере три брата, а также адрес проживания его родителей, что весьма существенно при дальнейших поисках. Отметим еще, что Илья Исаевич Шапиро имел квалификацию слесаря, как и его старший брат. Илья учился в момент ареста на рабфаке и сообщил, что был призван на фронт в 1915 году и попал в австрийский плен.

Деятельность экспедиции ЧК в Черниговскую губернию также можно проследить по следственному делу П-63511. Благодаря сайту <https://ru.openlist.wiki/> можно составить список на несколько десятков фамилий, кратковременно арестованных ЧК в период с 16 по 21 августа 1921 года и вскоре отпущенных. Среди этих людей непропорционально много уроженцев ст. Унеча, расположенной не очень далеко от Суража. Один из них, Резников Лев Израилевич, 1904 г.р., студент рабфака Межевого института, проживал по адресу Б. Афанасьевский пер., 30, кв. 1 – там же, где и Саша-Петр. Укажем и других арестованных при облаве по этому адресу: Резников Давид Борисович, Кайданов Файбус Залманович, Бикен Вульф Бергович, а в соседних квартирах – Титов Константин Арсеньевич и Эверлинг Николай Сергеевич.

Список кратковременно арестованных по этому делу, проживавших на ст. Унеча, таков: Рискин Генах Беркович, Кокотов Абрам Гиршевич, Морозов Мендель Залманович, Коган Гили Львович, Рабинович Фрида Моисеевна, Ковнер Лиза Неаховна, Стерлин Мотя Гилькович, Гуревич Давид Цадикович. Почти все – молодые люди 1903–1905 годов рождения. Кроме того, в Москве были арестованы уроженцы ст. Унеча Кайданов Израиль Нохимович, Гинзбург Лазар Лейзерович, Розин Иосиф Янкелевич.

Мы предполагаем, что целью чекистов был Иосиф Исаевич Шапиро, но ему удалось избежать ареста, а возможно, и гибели вместе со Львом Черным, с которым он тесно сотрудничал.

Согласно <https://libcom.org/history/1921-1953-chronology-russian-anarchism>, Александр Шапиро был арестован в ноябре 1921 года вместе с коллегами по секретариату ВСАУ Германом Аскарковым

и Степаном Стеценко, когда они пришли в ЧК требовать освобождения Бармаша. Если верить этим данным, “Саша-Петр” должен был бежать из тюрьмы в период с ноября 1921 по январь 1922.

§7. ЛАГЕРЬ И ССЫЛКА Р.Д. ШАПИРО

Список осужденных 14 января 1922 года анархистов следующий: Илья Шапиро, Рахиль Шапиро, Елена Михайловна Чекмасова, Полина (Аполлина) Арнольдovна Курганская, Федор Артемьевич Красавчиков (арестован 1 октября 1921 г.), Василий Дмитриевич Махов, Изя (Цезик) Абрамович Школьников, Арон Копелевич Волченoк, Вячеслав Степанович Грегорович (арестован 26 августа 1921 г.), Александр Моисеевич Карасик и Мария Вартановна Петросова, она же Мария Васильевна Потресова, в будущем жена В. В. Бармаша.

Все, кроме Грегоровича, Карасика и Петросовой, встречаются в списке заключенных Петроминского лагеря принудительных работ и Соловецкого лагеря, опубликованном А. Б. Рогинским и Е. Б. Жемковой в статье “Соловецкие политскиты. Список политзаключенных (1925)” [22, сс. 252–287]. По этим данным, Илья Шапиро и Рахиль Шапиро прибыли в апреле 1922 года в Холмогорскую тюрьму, где содержались до перевода в Петроминск 24 апреля 1923 года. 1 июля 1923 всех заключенных Петроминского лагеря перевезли на Соловки. 13 ноября 1923 года Илью Шапиро и Рахиль Шапиро отправили в Кемскую пересыльную тюрьму дожидаться освобождения 24 января 1924 года. Про Илью Шапиро известно, что дальше его ждала ссылка в Нарым и Сургут [26, р. 566], потом его следы теряются.

Интересно, что в том же самом источнике содержатся подробные сведения о будущем втором муже Рахили Шапиро, Николае Михайловиче Беляеве, с которым она познакомилась в лагере. Он был арестован в сентябре 1919 г. по делу об экспроприации кассы Тульского патронного завода [27], входил в группу анархистов подполья и был знаком с “Сашей-Петром” в это время по показаниям членов группы анархистов подполья, данным в ходе следствия по делу о взрыве в Леонтьевском переулке. Н. М. Беляев был осужден МЧК 30 января 1920 года к пяти годам лагерей; 27 сентября 1921 бежал из Орловского централа, но был арестован в октябре того же года. 29 сентября 1922 года предпринял вооруженную попытку к побегу из Лефортовской тюрьмы, а 17 марта 1923 года приговорен Московским губернским судом к одному году концлагеря и отправлен на Соловки. 13

ноября 1923 года он переведен в Кемь и 17 марта 1924 года освобожден.

Возвращаясь в списке осужденных 14 января, отметим, что некоторые из них были приговорены к высшей мере наказания, но сразу же приговор был смягчен до 5 лет концлагерей “в связи с четвертой годовщиной Октябрьской революции”. Такая формулировка содержится в деле Чекмасовой, Махова, Курганской, Волченка, Красавчикова.

Судьба Александра Моисеевича Карасика неизвестна, в Соловецком списке его нет. Однако весьма любопытно, что он был ведущей фигурой у Самарских анархистов весной 1918 года. В воспоминаниях киноинженера Иосифа Ефимовича Милькина (1913–2006) приводится фраза “отряд самарских анархистов под командованием Карасика две недели держал фронт против казачьих частей атамана Дутова” [23, с. 15].

После освобождения Рахиль Давидовна вернулась за сыном в Сураж к свекрови, некоторое время жила в Москве, в Мерзляковском переулке, затем побывала у родителей Н.М. Беляева в Туле и снова вернулась в Москву. Остаток срока ссылки в Архангельской губернии для Беляева был заменен ссылкой в Кзыл-Орду. Через некоторое время Рахиль была выслана вслед за ним [26, р. 547]. Об этом периоде и разговоре о выезде в Крым кратко упомянуто в письме Доры Степной от 17 мая 1927 года, доступном онлайн на сайте <https://www.katesharpleylibrary.net/0vt55r>.

2 октября 1927 года Беляев за протест против наименования военной эскадрильи в память анархистов Сакко и Ванцетти был выслан из Кзыл-Орды в Минусинск [26, р. 574, 580]. По словам Д. А. Шапиро, проводился сбор средств на эскадрилью “Сакко и Ванцетти”. Беляев работал тогда токарем в мастерских при электростанции. В мастерских был организован митинг и сбор средств. Николай Михайлович выступил и сказал, что он возмущен казнью Сакко и Ванцетти, поскольку они его единомышленники, и добавил, что у нас анархисты сидят в тюрьмах и ссылках, а некоторые даже расстреляны. Сорвал сбор средств. За это его и отправили в ссылку в Минусинск.

Рахиль, когда у нее кончился срок ссылки, уехала с сыном в Мелитополь, через год они вернулись в Минусинск. В 1931 году у Рахиль Шапиро и Николая Беляева родилась дочь Светлана, они приехали в Симферополь, но в 1932 году Николая Михайловича опять арестовывают. Рахиль уезжает в Москву, а потом в Ульяновск, где базировалась

анархистская коммуна. Летом 1934 года опять в Минусинск, так как Беляев уже отсидел. Давид Александрович Шапиро в 1936 году закончил Минусинскую школу №2. Его аттестат о среднем образовании позволял поступить в высшее учебное заведение без экзаменов. Он выбрал физфак Ленинградского университета. В ноябре 1936 г. его отчим Н. М. Беляев был снова арестован и приговорен к высшей мере наказания 13 августа 1937 г.

Рахиль с дочерью Светланой уехала в Белую Церковь, откуда летом 1941 года она успела уйти пешком до прихода немцев. Добралась до Воронежа, где жила сестра Беляева, эвакуировалась в Уфу. Затем перебралась в Ишимбай, где умерла в 1944 году.

Давид Александрович Шапиро закончил физфак ЛГУ по специальности “молекулярная физика” в июне 1941 года, как указано в его личном деле, хранящемся в Объединенном Архиве СПбГУ [25]. Однако, жизнь сложилась так, что занимался он петрофизикой и промысловой геофизикой.

После того, как Д. А. Шапиро скончался в августе 1997 года, районная Бугульминская газета опубликовала некролог, часть содержания которого мы конспективно приводим ниже.

На фронт его не взяли по причине крайне плохого зрения. В 1941–1944 годах он работал старшим техником в каротажной базе государственного союзного геофизического треста. Затем был направлен в Грозненскую каротажную базу начальником динамографической партии. В 1951 году Давид Александрович – главный геолог Бугульминской НТК в Татарии. С 1954 по 1967 год он работает главным геологом Алметьевской НТК. В 1957 году Д. А. Шапиро защитил кандидатскую диссертацию, а в 1973 году – докторскую. Результаты многолетней работы опубликованы в монографии “Физико-химические явления в горных породах и их применение в нефтепромысловой геофизике”, изданной в 1977 году. С 1971 года Давид Александрович работал в тресте “Татнефтегеофизика” и ушел на пенсию в 1981 году. В 1980-ые годы им была написана монография “Имя России” по истории народов Советского Союза, опубликованная лишь небольшими частями. Давид Александрович был исключительно добросовестен в своей работе.

В заключение приведем абзац, написанный его коллегой по научной деятельности Б. Н. Еникеевым на профессиональном интернет-форуме петрофизиков: “Давид Александрович Шапиро придумал теорию мембранных потенциалов, исходящую из нескольких соображений, сводящих ее к алгебраической: 1) Существуют изотермы сорбции ионов разного типа на разных поверхностях, причем уравнение имеет тип изотермы Лангмюра со своей предельной емкостью (общей для всех ионов); 2) сорбированный ион изменяет свою подвижность; 3) используется уравнение типа Гендерсона (получаемое из условий электронейтральности потока и линейности). Придумал он это в начале 50-х, а писал в больнице (лечась там от туберкулеза). ...

Отличался Давид Александрович в моих представлениях бойцовским бескомпромиссным характером и порой борьба за околоинтеллектуальную честность и правоту заставляла его переходить принятые в социуме границы (от чего обычно страдал он сам)” [29].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. W. Scharlau, Who is Alexander Grothendieck, *Anarchy, Mathematics, Spirituality, Solitude: a Biography*. Part 1, *Anarchy*. Translated from German by Melissa Schneps, 2011.
2. Yu. I. Manin, *Forgotten Motives: the Varieties of Scientific Experience*. In: A. Grothendieck, *A Mathematical Portrait*, (ed. Leila Schneps), International Press of Boston, 2014.
3. Ю. И. Манин, *Соответствия, мотивы и моноидальные преобразования*. — Матем. сб. **77** (119) вып. 4 (1968).
4. Г. В. Белый, *О расширениях Галуа максимального кругового поля*. — Изв. АН СССР **43**, вып. 2 (1979), 267–276.
5. В. Г. Дринфельд, *О квазитреугольных квазигопфовых алгебрах и одной группе, тесно связанной с $Gal(\bar{Q}/Q)$* . — Алгебра и анализ **2**, No. 4 (1990), 149–181.
6. *Божественная искра*. Интервью Ольги Орловой с Георгием Шабатом, «Троицкий вариант» No. 5 (249), 13 марта 2018 года.
7. ГАРФ ф. 533 оп. 3. д. 3289: Шапиро Александр Петрович (Саша).
8. Ведомость справок о судимости / М-во юстиции. Санкт-Петербург: 1913, кн. 9: Списки лиц, приговоренных к наказаниям, означенным в пп. I–II ст. 17 и пп. I–V ст. 30 (ст. 137 и 137¹) Улож., в п. 4 ст. 1 (ст. 6) Уст. наказ., в ст. 233–265 Уст. ссыльн. и в пп. 1–6 ст. 2 Угол. улож. - 1913. - 962 с. доступно онлайн на сайте Российской Государственной Библиотеки: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005494714#?page=454>
9. Ведомость справок о судимости / М-во юстиции. - Санкт-Петербург : 1913, кн. 2: Списки лиц, приговоренных к наказаниям, означенным в п.п. I–II ст. 17 и п.п. I–V ст. 30 (ст. 137 и 137¹) Улож., в п. 4 ст. 1 (ст. 6) Уст. наказ., в ст. 233–265 Уст. ссыльн. и в п.п. 1–6 ст. 2 Угол. улож. - 1913. - 654 с.

10. Ведомость справок о судимости / М-во юстиции. – Санкт-Петербург : 1909, кн. 12: Списки лиц, приговоренных к наказаниям, означенным в п.п. I–II ст. 17 и п.п. I–V ст. 30 (ст. 137 и 137¹) Улож., в п. 4 ст. 1 (ст. 6) Уст. о нак., в ст. 437–468 Уст. о сс. и в п.п. 1–6 ст. 1 Угол. улож. – 1909. – IX, [2], 543 с.
11. Орловский каторжный централ: сборник воспоминаний бывших орловских политкаторжан, 1908–1917, Изд-во политкаторжан, 1929.
12. ГАЯО ф.335 оп. 1 д. 2550.
13. Памятная книжка Киевского учебного округа на 1901 год, Ч.4. Типо-литографическое т-во И. Н. Кушнерев и К°, 1901.
14. И. И. Генкин, *В камерах Орловского централа: воспоминания политкаторжанина*. Воронеж, Партийное издательство ЦЧО, 1934. Доступно онлайн на сайте Президентской библиотеки <https://www.prlib.ru/item/322669>.
15. В. А. Антонов-Овсеенко, *Записки о гражданской войне*, Том 2. М.-Л., Госиздат, Отдел военной литературы, 1928.
16. Н. Е. Какурин, *Как сражалась революция*. Т. 1. М., ГосИздат, 1924.
17. В. В. Дублённых, *Красная армия на Урале*. Екатеринбург, Свердловский областной краеведческий музей, 2002.
18. ГАОР, ф.30, оп.1, В/18, д.116, л.71.
19. А. В. Куприянов, *Англо-индийская интервенция в Закаспийском крае в 1918–1919 гг.* дисс. на соискание степени канд. ист. наук. М., МГПУ, 2015.
20. *Красная книга ВЧК*. Том 1., М., 1920.
21. А. В. Аролович, *Концепция слова и языка у русских анархистов-универсалистов начала XX в.* Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. No. 3.
22. *Звенья. Исторический альманах*. Выпуск 1., М., Прогресс, Феникс, Atheneum. 1991.
23. И. Е. Милькин, *Мои года – мое богатство*. MSBooks Publishing, 2012.
24. ГАРФ, ф. 10035, оп. 2, д.30547, рассекречено 10 февр 1999 из архива ФСБ России по Москве и Московской обл.
25. Объединенный Архив СПбГУ, ф.1 оп. л/д студ. д/о ок. 1930–41г., св. 16, д. 585 Шапиро Д. А.
26. G. P. Maximoff, *The Guillotine at work. Vol. 2: Twenty Years of Terror in Russia (Data and Documents)*, Chicago: The Chicago Section of the Alexander Berkman Fund, 1940.
27. Государственный архив Тульской области, Ф. Р-2272. Оп. 1. Д. 1. Л. 151; Д. 9. Л. 152.
28. Ф. Э. Дзержинский, *Дневники. Письма*. Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М., 2007.
29. Б. Н. Еникеев, Форум по Петрофизике Petrophysical Forum, <http://petrophysics.borda.ru/?1-7-0-00000009-005>

Gavrilovich M., Pimenov K., Volk E. Russian traces in Grothendieck's work and family history.

Based on records in Russian archives, we present some new facts about life of Alexander Grothendieck's father in Russia and his anarchism activities. We found his name at birth and that he had at least three brothers. Moreover, we found the fate of his eldest son, David Aleksandrovich Shapiro, a prominent petrophysicist, and established contact with his daughter. Notably, in mid-90s David Shapiro has dictated several pages of memories about his parents which are now kept by his daughter.

Национальный исследовательский
университет "Высшая школа экономики"
Кантемировская ул., д.3, корп.1, каб. 404
С.-Петербург, Россия

E-mail: mishap@sdf.org

Поступило 1 ноября 2019 г.

Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук ул. Серпуховская, 38
190013 С.-Петербург, Россия

E-mail: k.pimenov@spbu.ru

С.-Петербургский
государственный университет,
Университетский пр. д. 28
198504, Старый Петергоф, Россия

E-mail: elena.volk@inbox.ru